

ОПРАВДАНИЕ ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ ТВОРЧЕСТВО В ФИЛОСОФИИ Н. А. БЕРДЯЕВА

О. В. Щекалева

Санкт-Петербургский университет технологий управления
и экономики (СПбУТУиЭ)

Поступила в редакцию 7 апреля 2021 г.

Аннотация: в статье анализируются идеи Н. А. Бердяева о спасении и оправдании человека благодаря творчеству. Бердяев обосновывал переход к новой этике творчества, которая соответствует эпохе Святого Духа. Философ при анализе произведений искусства обращал внимание на личность автора и показывал, что негативные качества создателя нивелируются в творческом экстазе и произведение благодаря этому выражает вечную красоту, а не грешную природу человека. Для того чтобы понять, зачем Бердяев вводит такой специфический путь спасения, в работе произведено сравнение его философских идей с философскими взглядами В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка. Данные философы Серебряного века считали важным осмысление творчества, творческого экстаза, но при этом не полагали творчество как путь спасения. Провозглашение творческого пути путем спасения обусловлено главным образом тем, что в новую эпоху творческое преображение мира является главной целью, поскольку человек призван продолжить божественное творение.

Ключевые слова: философия творчества, спасение, эсхатология, творческий акт, этика творчества.

Abstract: the article analyzes the ideas of N. Berdyaev about the salvation and justification of a person through creativity. Berdyaev justified the transition to a new ethics of creativity, which corresponds to the era of the Holy spirit. The philosopher in the analysis of works of art paid attention to the personality of the author and showed that the negative qualities of the author are leveled in creative ecstasy and the work thus expresses the eternal beauty, and not the sinful nature of man. In order to understand why Berdyaev introduces such a specific way of salvation, the paper compares his philosophical ideas with the philosophical views of V. Solovyov, S. Bulgakov, S. Frank. These philosophers of the Silver Age considered it important to comprehend creativity, creative ecstasy, but did not consider creativity as a way of salvation. The proclamation of the creative way through salvation is mainly due to the fact that in the new era the creative transformation of the world is the main goal, since man is called to continue the divine creation.

Key words: philosophy of creativity, salvation, eschatology, creative act, ethics of creativity.

Многие исследователи русской философии отмечали, что тема творчества занимала в культуре Серебряного века особое место. Философы и поэты Серебряного века понимали творчество как возможность человека создавать нечто новое и преобразовывать реальность. При этом они рассматривали не только художественное творчество, но и моральное,

интеллектуальное творчество. На наш взгляд, это связано с поиском в начале XX в. новых художественных форм, стилей, даже нового богословия. В своей работе мы решили обратиться к философии творчества Н. А. Бердяева, поскольку сам философ писал, что тема творчества является основной темой его жизни [1, с. 240]. По этой причине Бердяев создает оригинальную и самобытную концепцию творчества. Философ стремится оправдать человека, вернуть ему чувство собственного достоинства, осознание своего величия, подавленные христианством. Некоторые исследователи считают, что творчество не является путем спасения в философии Бердяева [2, с. 159], но высказывания философа дают понять, что творческий путь как раз ведет человека к спасению. Главным аргументом в антроподицее Бердяева является способность человека к творчеству. Далее мы рассмотрим, как раскрывает данный аргумент Бердяев, как обосновывает высочайшую роль творчества в жизни человека.

Согласно философии Бердяева, человек как личность загадочен, потому что его духовную основу не определяет природа и общество. В личности человека соединено универсальное и индивидуальное, поэтому одинаковых произведений искусства, созданных разными людьми, не бывает. Такое представление о человеке было свойственно и другим русским философам Серебряного века. Но у Бердяева было дуалистическое понимание мира, он жестко разделял мир духа и мир природы. Он замечает, что человек живет в мире природы, но сам «не от мира сего» [3, с. 310].

Бердяев называет творчество религией и подчеркивает, что до него никто не ставил вопрос о религиозном смысле творчества («Творческий опыт – особый религиозный опыт и путь, творческий экстаз – потрясение всего существа человека, выход в иной мир» [там же, с. 339]). Тут мы видим подчеркивание трансцендентного характера творчества и уподобление творческого акта мистическому опыту. Бердяев отмечает, что творческий опыт является таким же религиозным, как молитва и аскеза, и обладает не меньшей значимостью, чем религиозное подвижничество. Высказывание Бердяева о том, что творчеством необходимо оправдывать жизнь, можно понимать как призыв каждого человека к творчеству для привнесения в жизнь смысла, человек должен творить, даже если может сотворить лишь что-то малозначимое. Таким образом, Бердяев подчеркивает абсолютную значимость творческой деятельности, которая важна сама по себе, безотносительно к своему значительному или малозначительному результату.

Философ прямо говорит о спасении человека через творчество: «Творчество по религиозно-космическому своему смыслу равносильно и равноценно искуплению» [там же]. Творчество само не нуждается в оправдании, это человек оправдывает себя перед Богом своим творчеством, посредством творчества человек способен понять свою бесконечную природу и осуществить свое высшее предназначение. Искупленная человеческая природа предназначена именно к творчеству, но христианство, по мнению Бердяева, не говорит о конкретном предназначении челове-

ка. Философ хочет возвысить именно человеческую природу, а не божественную природу, которая тоже присуща человеку. По его мнению, православие стремится уничтожить человеческую природу, оставив лишь божественную, чтобы человек слился с Богом [там же, с. 340]. Гениальность дается человеку не за какие-то личные заслуги, а просто так; при этом образ творца может не совпадать с моральным идеалом христианства: «творец и великий творец может быть гулякой праздным, может быть ничтожнейшим из детей ничтожных мира» [4, с. 85]. Таким образом, творчество выступает способом искупления грехов человека-творца. Бог ждет от человека творчества как ответа на творчество Бога, через творчество в человеке раскрывается образ Бога. Человек-творец находится на вершине космической иерархии, потому что он подобен Творцу-Богу и сотворен как творческий центр Вселенной [3, с. 308–309].

Творчество временно освобождает дух человека от необходимостей материального мира, хотя и заставляет многим жертвовать и страдать. Бердяев не признает эгоистические мотивы творчества, полагая, что человек не может творить из эгоизма [там же, с. 256]. Тут мы не согласны с философом, поскольку личные цели художника или писателя вполне могут быть эгоистичными. Например, художник может писать картины единственно для того, чтобы прославиться и получить вознаграждение за свой труд.

Бердяев утверждает, что творчество состоит из свободы человека, дара творчества и мира, в котором творчество объективируется. В творчестве философ выделяет внутреннюю и внешнюю стороны. Внутренняя сторона связана с зарождением творческого замысла, с интуицией. Внешняя сторона творчества – это реализация, объективация. Продуктом творчества в мире являются культурные объекты большей или меньшей ценности. Можно сказать, что человек направляет свою творческую активность на мир, и результаты творчества объективируются в мире. При этом есть несоответствие между творческим замыслом и продуктом: творческий акт должен преодолевать материальный мир, но при объективации, в продуктах культуры, творческий акт подчинен миру и скован им. Бердяев говорит о подлинном творчестве, которое приведет к концу этого мира и возникновению нового. Поэтому он считает, что особой ценностью обладают творческие подъемы личности, а не продукты объективации. Всякий творческий акт сообщает человеку одиночество, непризнанность, потому что творческий акт перерастает любую общность.

Бердяев критиковал философов, пытавшихся обосновать важность человеческого творчества обращением к Библии. Он писал: «В Евангелии нет ни одного слова о творчестве, и никакими софизмами не могут быть выведены из Евангелия творческие призывы и императивы» [там же, с. 327]. Бог не открыл человеку прямо, что он призван к творчеству, эту истину открывает сам человек, потому что, «если бы пути творчества были оправданы и указаны в священном писании, то творчество было бы послушанием» [там же, с. 328]. Если бы Бог открыл призвание человека к творчеству так же, как открывал моральные нормы, то это противоре-

чило бы человеческой свободе. Бог даже «от себя сокрыл то, что сотворит человек в своем свободном дерзновении» [там же, с. 331]. На наш взгляд, получается парадокс: что конкретно создаст человек, Бог не хочет знать, но знает из-за своего всеведения.

Бердяев выступал против традиционного христианства, потому что библейская антропология не считает человека микрокосмом. Философ в своей антропологии апеллировал к Каббале, учению Якоба Беме, философии Баадера, Штейнера. Во всех перечисленных учениях человек представлялся как микрокосм. Христианская антропология акцентирует внимание на падении человека, на борьбе человека с грехами, а о величии человека вспоминает редко. Бердяев анализирует работы Святых Отцов и приходит к выводу, что святоотеческое сознание принижало человека и подавляло его творческую мощь. По этой причине христианство только мешает человеку открыть свое истинное творческое призвание [там же, с. 300–319].

Христианство связывает спасение «с нравственным совершенством человека, но не связывает с совершенством эстетическим или познавательным» [там же, с. 334], что категорически не приемлет Бердяев. Тут Бердяев упускает, что, согласно христианству, спасение не дается без благодати Божьей, т. е. нравственного совершенства недостаточно для спасения. Согласно христианскому учению, творческие ценности могут быть даже вредны для спасения, но в таком случае выходит, что полнота бытия, которая может быть достигнута через творчество, не нужна в христианстве. Христианство говорит о свободе от греха, а «свободу для» оно оставляет за скобками. Свобода «для» заключается именно в творчестве – это творческая свобода. Бердяев считал, что творческая свобода продолжает дело Божественного творения, благодаря творчеству человек способен уподобляться Богу. Исследователь философии Бердяева С. В. Корнилов верно отметил, что «активность человека, в отличие от творческой деятельности Божества, ограничена, ибо люди не обладают абсолютной мощью» [5, с. 60].

Бердяева интересовал вопрос, возможно ли искаженное творчество. По этому поводу он пишет: «Подлинное творчество не может быть демоническим, оно всегда есть выход из тьмы. Демоническое зло человеческой природы сгорает в творческом экстазе, претворяется в иное бытие» [3, с. 386]. Творец отрывается от мира, лежащего во зле, и осуществляет мирскую страсть уже в ином бытии, но при этом и демонизм человека-творца может угадываться в его произведении, которое в целом не является демоническим. Бердяев приводит несколько примеров художественных произведений, из которых можно понять, как он на практике применяет свою концепцию творчества. Он считает, что Леонардо да Винчи в своей природе имел нечто демоническое, но демонизм Леонардо преобразовался в творческом акте в «свободное от “мира” бытие». В картине «Джоконда» демонизм превратился в вечную красоту, которая переносит нас в иное бытие, где уже нет места тьме, которой был причастен человек-творец. Произведение Ницше «Так говорил Заратустра» Бердя-

ев описывал как «творение покинутого, предоставленного себе человека», так как Ницше при написании данной работы опирался только на свои силы. Русский философ считал, что нечто большее, более значимое человек исходя из своих сил написать не может – для создания шедевра необходимо опираться на божественные силы. Тем не менее Бердяев считает, что Ницше в своих произведениях писал о творческом призвании человека, которого не замечала ни святоотеческая антропология, ни гуманистическая [там же, с. 322–324].

Некоторые исследователи философии Бердяева верно отмечают, что он часто обращался к теме «взаимодействия творчества с христианской моралью» [2, с. 158]. Бердяев задавался вопросом – как примирить творческие ценности с верой в спасение через Христа? Так как в Евангелии нет оправданий творчеству, Бердяев приходит к выводу, что христианская истина раскрыта в Новом Завете не полностью. Поэтому Бердяев выделял в истории человечества три эпохи: эпоху закона, эпоху искупления и эпоху творчества. Подлинное творчество стало возможным только в эпоху творчества и благодаря искуплению. Причем, по его мнению, эпоха творчества еще не наступила, но идет подготовка к ней. Творчество прошлых эпох является в некотором смысле неподлинным, только «намеком» на подлинное творчество, так как в прежние эпохи дух послушания затмевал дух творчества. Бердяев находит новую «этику творчества», которая возлагает на человека «ответственность за его судьбу и судьбу мира». По сути, он выделяет две этики: этику послушания и этику творчества [3, с. 478]. Бердяев выступает против традиционной христианской морали, поскольку истинное творчество невозможно, если человек ориентируется на традиционную мораль послушания. Христианская аскеза не приведет к гениальности, от творца не требуется аскеза, хотя она и есть в творчестве [2, с. 159].

На наш взгляд, Бердяев расширяет границы этики, говоря об «этике творчества», потому что традиционно этика говорит о поступках человека в мире, а не о создании чего-то нового. Бердяев утверждал, что подлинная христианская этика на данном этапе развития человечества – это этика творчества. Принципиально новым, что несет в себе этика творчества, является ценность индивидуального. Творчество способствует борьбе со злом, но оно не пресекает зло, а осуществляет добро и преобразует злое в доброе. Нравственной целью должно стать творческое осуществление правды, любовь к божественному, а не самоспасение и искупление вины. Бердяев предлагал создать вместо учения о добре учение о сверхдobre, в основу которого будет положена идея о преобразении всего мира и спасении всех людей. Каким именно будет конец мира, зависит от действий человека, поэтому в интересах человека заниматься преобразованием мира через творчество [4, с. 354–357]. Человек сам подготавливает конец мира своим творчеством [6, с. 562–563]. Бердяев пишет: «Всякий подлинный творческий акт есть наступление конца мира, есть переход в царство свободы, выход из заколдованности мира» [7, с. 4]. Таким образом, эсхатологизм у Бердяева является активным и творческим.

Бердяев называет философию искусством познания, разновидностью искусства, которая отличается от других искусств. По его мнению, всякое творчество является искусством, при этом науке он отказывает в творческой составляющей, поскольку наука направлена на изучение природных зависимостей, которые относятся к сфере необходимости, приспособления к мировой данности. Философия не должна зависеть от науки, иначе она не распознает свободу за мировой необходимостью. Наукой люди занимаются по необходимости, нуждаются в ней, а в занятии философией нет никакой нужды, в философии творящий человек преодолевает мировую необходимость. По мнению Бердяева, философия необходима для выхода за пределы мира, поиска смысла бытия, а не для изучения данного мира. Он совершенно справедливо отмечает, что в философских концепциях запечатлевается индивидуальность их авторов не меньше, чем личность поэта в его поэтических произведениях. Философия создает бытийственные идеи, которые выражают сущность мира, а другие искусства создают образы. Бердяев не приемлет в философии доказательства, так как они лишают свободы и творчества философию и даже препятствуют познанию истины. Философа должна вести творческая интуиция, а не доказательность дискурсивного мышления. Философ, как и художник, сначала интуитивно постигает истину, и далее его задача заключается в выражении истины. Бердяев замечает, что творческая интуиция не является произволом человека-творца, – это некое озарение, которое приводит к истинному знанию. Формой постижения истины в философии Бердяев считает метафизическую интуицию как некую разновидность творческой интуиции [3, с. 273–285].

В связи с этим возникает проблема: как философию можно считать творчеством, если она познает уже данное, т. е. смысл мира? Смысл мира, согласно метафизическим концепциям, заложен в мир изначально, философия его не выдумывает. Если философия является творчеством, то она должна изобретать, а не познавать смысл мира, который существует вечно, но скрыт от людей. Нам представляется возможным разрешить данное противоречие, если развести истину и пути к ее достижению. Путь к истине изобретается философом, а сама истина не изобретается, а также изобретается способ говорения об истине, способ ее выражения. К тому же, согласно Бердяеву, доступ к истине способна получить не только философия, но и искусство. А у искусства, как известно, свои способы и выразительные средства для отражения неизменной истины. Поскольку философия является одним из видов творчества, то философ, как и художник, тоже оправдывается благодаря своей оригинальной философии.

Интерес к проблемам творчества характерен для русской философии конца XIX – начала XX вв. Поэтому для выявления специфики концепции творчества Бердяева необходимо сравнить ее с философскими взглядами на творчество других философов Серебряного века. Так, В. С. Соловьев понимал творчество как воплощение божественного начала в эмпирической действительности [8, с. 743]. Творческий акт объединяет

имманентное и трансцендентное, что вполне в духе философии всеединства. А Бердяев понимает творческий акт как прорыв в трансцендентное, уход от имманентного, что указывает на размежевание Бердяева с философией всеединства. Соловьев рассматривает искусство как взаимодействие с трансцендентным, а Бердяев признает еще и творчество из собственных сил, без обращения к трансцендентному. Соловьев понимает искусство как подготовку к мистическому преображению души, но не как само мистическое преображение. Значит, одного творчества для спасения души недостаточно, хотя роль художника в некотором смысле провидческая и пророческая – он предугадывает будущее преображение мира. Согласно философии Бердяева, человек-творец не только предсказывает преображение мира, но и активно преобразует его.

Другой известный русский философ С. Н. Булгаков писал о внемирности творчества, так как творящий в творческом акте переходит за границы данного мира [9], и в этом его идеи созвучны мыслям Бердяева. У Булгакова посредник между миром и Богом – это София, а у Бердяева роль такого посредника играет человек. Из этого следует, что Бердяев ставит человека очень высоко в иерархии творений, отрицает наличие предвечных идей, благодаря которым человек творит, по этой причине он критикует платонизм [3, с. 331]. Булгаков, напротив, писал о предвечных идеях, присущих Софии и узрении их человеком в процессе творчества [9, с. 306]. Бердяев пишет, что гениальность человека уже заложена Творцом, каждый человек рождается гениальным и призван раскрыть свою гениальность. Осуществить гениальность человеку мешает страх собственной гибели [3, с. 255]. Но тут с философом можно поспорить, потому что довольно часто человека побуждает творить именно его смертность, осознание собственной конечности, которое выливается в стремление оставить что-то вечное, неуничтожимое после своей смерти. Согласно Булгакову, каждый человек потенциально не только гениален, но и талантлив. В отличие от Бердяева, Булгаков разводит два этих понятия, понимая под гениальностью восхождение к вечным идеям в Софии, а под талантливостью – воплощение этих творческих идей, их объективацию [9, с. 264].

Бердяев считает, что мир придет к творчеству в следующую эпоху, но подлинного творчества в нем еще не было. И именно религиозная эпоха творчества осуществит иное бытие [3, с. 333]. А Булгаков пишет, что человек в любые времена достигал иного бытия в творческом акте, прорывался в сферу божественного. То есть Булгаков высоко ставил любое творчество, а Бердяев считал подлинным творчеством только грядущее творчество новой эпохи. Оба философа пишут о божественности человека, но у Бердяева больший акцент делается на то, что Бог нуждается в человеке, у Булгакова Бог в этом плане самодостаточен. В концепциях Бердяева и Булгакова творчество понималось эсхатологически, поскольку через творчество человек подготавливает второе пришествие Христа. Оба философа считали, что творческий акт имеет божественный источник. Известный исследователь русской философии В. В. Бычков пола-

гал, что Бердяев выделяет в творчестве два элемента, имеющие божественный источник: гениальность человека и свободу [10, с. 687]. Как известно, свобода по Бердяеву изначальна, не сотворена Богом, а значит, нельзя согласиться с Бычковым в том, что свобода человека имеет божественный источник. Получается, следуя логике Бердяева, Бог не является творцом всего сущего. В связи с этим может возникнуть вопрос о статусе Бога и его атрибутах в философии Бердяева.

Булгаков писал, что через картины может воплощаться демонизм художника, и приводил в пример картины Пикассо [11, с. 34]. Бердяев, напротив, настолько высоко ставил творческий акт, что полагал его средством очищения страстей художника, благодаря чему в подлинных шедеврах явлена вечная красота.

Стоит отметить, что исследователи совершенно незаслуженно обходят вниманием философию творчества С. Л. Франка. При этом сам философ даже планировал написать работу «Философия творчества». Франк, как и Бердяев, считал, что у любого человека есть способности к творчеству, и утверждал, что творчество – это не выражение человека-творца как личности, а выражение «сверхличной» реальности [12, с. 384]. Бердяев полагал, что в любом творческом акте находит воплощение не только трансцендентная реальность, но и личность человека-творца. Воплощение в «кино» у Франка сродни процессу объективации творческой идеи в Бердяева. Как и у Бердяева, мир по Франку не «ставший», а постоянно творящийся, в том числе и руками человека. Франк, как и Бердяев, считает творчество трудным процессом, драматичным для творца. Бердяев считал, что творчество ничего общего не имеет с бытием, предметами; он противопоставлял творчество бытию, мыслил материю как помеху творчеству [1, с. 219]. Франк, наоборот, находит нечто общее между творческим актом и материалом для творчества, видит в материале не только косность. По его мнению, материал может даже позитивно влиять на процесс творчества [12, с. 376]. Франк утверждал, что в мире наличествует «тенденция изнашивания», творческие порывы постепенно ослабевают [там же], а Бердяев считал, что в будущем произойдет возрастание творческих порывов человека. Франк пишет: «Подлинное исполнение воли Божией доступно только в форме свободного творчества» [13, с. 347]. Из этого можно заключить, что человек-творец как раз исполняет волю Бога, в отличие от людей, живущих праведно, но ничего нового не создающих. Но Франк прямо не говорит о том, что создание произведений искусства приводит человека-творца к спасению. Само творчество нравственно – «творчество невозможного без нравственной серьезности и ответственности; оно требует нравственного усилия правдивости, должно сочетаться со смирением, совершается через аскезу бескорыстного служения» [там же, с. 349].

Сравнение концепции творчества Бердяева с философскими взглядами русских религиозных философов Серебряного века показало, что Бердяев сильнее, чем другие философы Серебряного века размежевался с традиционным христианством, только он полагал творчество путем

спасения человека. По его мнению, этика творчества не подчиняется традиционным христианским моральным нормам, и поэтому, согласно данной этике, возможны свои критерии спасения человека. Бердяев пошел на разрыв с православной традицией, провозгласив творчество способом спасения. При этом он считал творческое призвание человека одной из сторон христианской истины, которую не замечают традиционные религии. На наш взгляд, одной из причин введения творчества как пути спасения является то, что христианство не указывает человеку его конкретное предназначение, а Бердяев исправляет данное упущение и во главу угла ставит призвание человека к творчеству. Христианство не говорит о том, что всякий труд человека должен быть творческим, что Бог нуждается в человеке и, значит, нуждается в его творчестве.

В новую эпоху творчество имеет религиозный смысл, как и молитва, творчество рассматривается как служение Богу. На данном этапе развития человечества главным является творчество, а значит, творчество позволяет оправдаться перед Богом. В эпоху закона и эпоху искупления человек-творец не оправдывался своим творением, поскольку цели у человечества были другие. А сейчас цель человечества – творческое преобразование мира, а не искупление греха. Можно сделать вывод, что в прошлые эпохи спасались люди, которые реализовывали главную цель эпохи. Таким образом, этика изменчива, зависит от этапов развития человечества. Данная идея созвучна современным философским взглядам о релятивности морали. Но для Бердяева этика изменяется не по прихоти человека или конкретного общества, а из-за постепенного открытия человеку божественной истины.

Мы видим, что учение о спасении человека через творчество у Бердяева коренится в его антропологии. Бердяев ставит человека выше, чем ставило его христианство и другие философы Серебряного века. Бердяев полагает человека микрокосмом, который вмещает в себе все мировые формы и тесно связан с миром. Микрокосмичность человека приводит еще и к тому, что творческий акт благотворно отражается на всей природе, оживляет ее. Творческий подъем человека приводит к творческому подъему всего космоса, а грех, напротив, омертвляет природу, негативно воздействует на нее [3, с. 306]. На наш взгляд, в таком случае создание шедевра в некотором смысле аналогично добродетельному поступку, так как этическое поведение тоже благотворно отражается на природе, если рассматривать человека как микрокосм. Значит, творчество любого художника, литератора является глобальным, оказывающим влияние на всё вокруг. В творчестве человек занимает место царя природы, которое он утратил вследствие грехопадения, подчинился природной необходимости. Стать хотя бы на время царем природы у него получается, потому что в процессе творчества человек не подчиняется необходимости, преодолевает природный мир, он творит свободно, вырывается из пут материального мира. То есть происходит некоторый возврат к тому состоянию, которое было до грехопадения. Согласно философии Бердяева, человек только в творческом акте способен преобразить космос. Если ис-

ходить из такого глобального понимания творчества, то человек-творец действительно заслуживает посмертного воздаяния, спасения.

Литература

1. Бердяев Н. А. Самопознание : (опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. – М. : Книга, 1991. – 448 с.
2. Завгородняя А. Л. Творчество «свободного духа» в концепции Николая Бердяева / А. Л. Завгородняя // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – С. 158–161.
3. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М. : Правда, 1989. – 608 с.
4. Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики / Н. А. Бердяев. – М. : Республика, 1993. – 383 с.
5. Корнилов С. В. Философия «свободного духа» Николая Бердяева в проблемном поле европейской культуры / С. В. Корнилов // Пространство и Время. – 2018. – № 1–2 (31–32). – С. 58–65.
6. Бердяев Н. А. Дух и реальность / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ, 2005. – 680 с.
7. Бердяев Н. А. Война и эсхатология / Н. А. Бердяев // Путь. – 1940. – № 61. – С. 3–14.
8. Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал / В. С. Соловьев // Соловьев В. С. Соч. : в 2 т. – М. : Мысль, 1988. – Т. 1. – С. 581–756.
9. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. – М. : Республика, 1994. – 415 с.
10. Бычков В. В. Русская теургическая эстетика / В. В. Бычков. – М. : Ладомир, 2007. – 743 с.
11. Булгаков С. Н. Тихие думы / С. Н. Булгаков. – М. : Республика, 1996. – 509 с.
12. Франк С. Л. Мысли в страшные дни / С. Л. Франк // Франк С. Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. – М. : Моск. шк. полит. иссл., 2001. – С. 347–393.
13. Франк С. Л. Реальность и человек / С. Л. Франк // Франк С. Л. С нами Бог. – М. : АСТ, 2003. – С. 131–436.

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики (СПбУТУиЭ)

Щекалева О. В., ведущий специалист
отдела научных исследований
E-mail: o.shchekaleva@spbacu.ru

Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics (UMTE)

Shchekaleva O. V., Leading Specialist of
Research Department, Graduated from
Lomonosov Moscow State University (MSU)
E-mail: o.shchekaleva@spbacu.ru